

ИДУТ К СЧАСТЬЮ



18+

Ани Вебр

Путь к счастью

«Автор»

2026

Вебр А.

Путь к счастью / А. Вебр — «Автор», 2026

После смерти мужа, молодая девушка остается на улице. Без крыши над головой и средств к существованию. Пытаясь наладить свою жизнь, узнает, что у нее есть враг. А кто он ей только предстоит выяснить.

Ани Вебр

Путь к счастью

Глава 1

Валерия сидела на лавочке, ссутулившись, будто пыталась стать меньше, незаметнее, слиться с серым бетоном и ржавыми прутьями спинки. Голова у неё ужасно болела — эта боль была не просто физической, а какой-то вязкой, тяжёлой, словно внутри черепа медленно наливалась густая, тёмная жидкость, давящая на виски. Ночь тянулась слишком долго, и время будто раскололось: первая её половина превратилась в кошмар, который постоянно всплывал в памяти, как зловещий силуэт, вынырывающий из мутной воды. Лера прокручивала в памяти события, цепляясь за каждую деталь, будто надеялась найти в них хоть какую-то зацепку, способную всё объяснить. Она не знала, куда ей идти. Ни денег, ни вещей — единственное, что Лера смогла взять в шоковом состоянии, это паспорт, и теперь он лежал в кармане, тяжёлый, как камень, будто сам по себе был свидетельством её крушения.

Её размышления прервал мужской голос — не резкий, не навязчивый, а удивительно вежливый, будто человек заранее старался не напугать.

— Девушка, вам плохо? Могу я вам чем-то помочь? — его голос был мягким, обволакивающим, и от него так и веяло добром и дружелюбием.

Она подняла голову и увидела улыбающегося парня. Его улыбка не была наглой или назойливой — в ней читалась искренняя забота, и на мгновение Лера забыла о своих проблемах, так неожиданно и безжалостно навалившихся на неё. В этом чужом, равнодушном городе вдруг мелькнул островок тепла, и она невольно потянулась к нему, хотя умом понимала, что это ничего не изменит.

— Нет, спасибо, у меня всё в порядке, — пробормотала она, понимая, что парень ей не поверил. Его взгляд был слишком внимательным, слишком цепким, чтобы купиться на эту ложь. И тогда она добавила, чуть тише, почти шёпотом: — Вы всё равно не сможете мне помочь.

— Неужели всё так плохо? — он присел рядом, не вторгаясь в её пространство, но и не отстраняясь, будто давал понять, что готов быть рядом.

— Всё очень плохо. Мне даже некуда пойти, — она пожала плечами, и это движение было таким безнадёжным, таким усталым, что у него защемило сердце.

— Совсем некуда? — он смотрел ей в глаза, и в его взгляде не было ни осуждения, ни любопытства — только искреннее желание понять. — Близкие, друзья, знакомые — совсем нет, никого?

— Есть, но они все живут в другом городе, — её голос звучал глухо, будто слова пробивались сквозь толщу воды.

— Так вы приехали по делам, и вас обокрали?! — парень сделал простое умозаключение, и в нём было столько наивной надежды на то, что проблема окажется не такой страшной, что Лера почти пожалела, что не может ему подыграть.

— Нет, я приехала в Москву с мужем два года назад, но так и не завела здесь друзей, — говорила Лера с грустью, и эта грусть была не просто печалью, а тяжёлым осознанием собственной изоляции в огромном, шумном городе.

— Муж вас бросил? — с сочувствием спросил он, и в его голосе прозвучала та самая человеческая теплота, которой ей так не хватало.

— Его убили сегодня ночью, — ответила она и заплакала. Слезы хлынули внезапно, как прорвавшаяся плотина, и она не пыталась их сдержать, потому что сил на это уже не осталось.

— А полиция? Вы обращались в полицию? — на его лице застыл немой вопрос, смесь недоумения и тревоги.

— Я боюсь. Я была напугана и убежала, а теперь слишком поздно, они наверняка думают, что это я убила мужа, — говорила она сквозь слёзы, и каждое слово давалось ей с трудом, будто приходилось выталкивать их из себя.

— Тут вы, пожалуй, правы, — говорил он утвердительно, и в его согласии не было цинизма — скорее горькое понимание того, как несправедливо устроен мир. Немного подумав, он добавил: — Раз уж я к вам подошёл, мой долг — вам помочь. Можете пожить у меня, а там будет видно, что делать дальше.

— Не знаю... Зачем я буду создавать вам лишние проблемы, — хотя в душе Лера очень хотела согласиться. Бессонная ночь и дикая усталость буквально валили её с ног, и мысль о том, что можно просто лечь и закрыть глаза, казалась почти недостижимым счастьем.

— Нет, напротив, мне бы очень хотелось вам помочь. Я помогу вам, вы поможете мне, — увидев в Лериных глазах вопрос, он добавил: — Я недавно развёлся, вы поможете мне отвлечься. К тому же мне кажется, я тебя где-то видел. Ты... можно на «ты»? — Лера кивнула. — Ты мне кажешься такой знакомой, вот только не могу вспомнить, где мы встречались.

После этих слов она впервые пристально посмотрела на него. Лицо парня было действительно знакомым — не из тех, что мелькают в толпе и тут же забываются, а из тех, что оставляют в памяти тонкий, едва заметный след, как запах, который узнаёшь спустя годы. Они изучали друг друга, и в этом молчаливом разглядывании было что-то почти интимное, будто каждый пытался найти в чертах другого подтверждение своим воспоминаниям. Вдруг на его лице появилась улыбка — лёгкая, немного детская, и глаза так блестели радостью, что немного передалось и Лере, как солнечный луч, случайно упавший на замёрзшую землю. Он нарушил молчание:

— Я вспомнил! Ты, Лера... то есть Валерия? — уточнил он, будто боялся ошибиться.

— Да, — она всё ещё пыталась вспомнить его, и вдруг картинка сложилась, как кусочки мозаики, которые годами лежали в разных коробках и наконец нашли друг друга. — Ты Игорь? — она тоже вспомнила, и в этот момент мир словно стал чуть светлее. Он кивнул в знак согласия.

— Ну что, ты принимаешь моё предложение?

— Я его приму, если не буду тебе в тягость.

— Конечно, не будешь, — в его голосе звучала такая твёрдая уверенность, что она почти поверила.

Они шли к Игорю. По дороге он что-то рассказывал, но Лера его не слушала. Её сознание будто разделилось: одна часть шла рядом с Игорем, замечая, как ветер шевелит его волосы, как он время от времени поглядывает на неё, убеждаясь, что она не отстаёт, а другая часть погрузилась в воспоминания, которые накатывали волнами, безжалостно возвращая её в ту роковую ночь. «Муж пришёл с работы пораньше, они поужинали, долго разговаривали и строили планы. Обсуждали, куда поедут отдыхать, перебрали кучу стран, но так и не остановились на чём-то одном. Он устал на работе и лёг рано спать, Лера так и не сказала ему, что беременна. Она долго не могла уснуть, в голову лезли дурные мысли. Лера пошла в ванную комнату, чтобы немного освежиться».

Игорь прервал её размышления, он тряс её за плечи, и в этом движении была не злость, а тревога, желание вернуть её из того мрачного места, куда она ушла.

— Ты что, спишь на ходу? Мы пришли, — Игорь показывал рукой на дверь, напротив которой они стояли.

Дверь была открыта. Лера вошла, и квартира, хоть и маленькая, показалась ей островком безопасности в этом враждебном мире. В комнате стоял большой диван, напротив — тумбочка с телевизором, в углу комнаты — шкаф. Всё было просто, без излишеств, но в этой про-

стоте чувствовалась какая-то уютная надёжность. Кухня была обставлена так же простенько, но всё самое нужное присутствовало, и от этого возникало странное ощущение, что здесь можно дышать свободнее. Игорь пригласил её на кухню и предложил чай. Его лицо стало более серьёзным, он заговорил:

— Может, расскажешь подробнее, что случилось? Раз уж я помогаю тебе, думаю, я должен знать, во что ввязываюсь, — Игорь терпеливо ждал ответа, и в его терпении не было равнодушия — скорее уважение к её боли и готовность разделить эту тяжесть.

— Мне тяжело вспоминать, — она сделала глоток горячего чая, и тепло немного согрело её изнутри, придав сил. Она взяла себя в руки и начала рассказ: — Я долго не могла уснуть, пошла в ванную, освежиться. Услышав, как открывается входная дверь, мне стало не по себе. Я хотела выйти посмотреть, но что-то меня остановило. Тогда я тихо приоткрыла дверь. Человек в маске прошёл в комнату и склонился над моим мужем, — Лера сделала ещё глоток чая и продолжила, и каждое слово отдавалось внутри острой, режущей болью. — Я увидела, как блеснул нож у него в руках, он молниеносно вонзил нож ему прямо в сердце. От ужаса у меня потемнело в глазах, пытаюсь сохранить равновесие, я вцепилась в косяк. В этот момент дверь распахнулась. Передо мной стоял парень в маске. Он резко прижал меня к стене, нож был у моего горла. Я не испытывала такого страха никогда в жизни. Я выкрикнула, что беременна, он замешкался и сбежал. Я пыталась взять себя в руки, но страх был сильнее, и я просто сбежала. Из телефона-автомата вызвала скорую, в надежде на то, что Павел жив.

— А ты не думала, кто он или кто его нанял? — задавал правильные вопросы, и в них не было праздного любопытства — только желание помочь, найти хоть какую-то опору в этом хаосе.

— Думала, но ответа так и не нашла. Долгов у нас нет, кучи денег тоже. Так что я даже не знаю, кому мы перешли дорогу.

— Может, кто-то угрожал или происходило что-то необычное?

— Да нет, ничего такого. Единственное изменение в моей жизни — я встретила подругу детства, Александру, пару недель назад. Мы случайно столкнулись на улице, поболтали немного, обсудили, что произошло, пока мы не виделись, и всё, ничего особенного. Что у Павла было, не знаю, по крайней мере, он ничего не рассказывал.

Открыв глаза на следующее утро, Лера с печалью отметила, что это был не сон. Реальность обрушилась на неё с новой силой, и даже мягкий свет, пробивавшийся сквозь занавески, не мог смягчить эту горечь. Она неохотно поднялась с постели, побродила по квартире, прислушиваясь к тишине, которая казалась почти осязаемой. Игоря дома не оказалось, и эта тишина вдруг стала давить, напоминая о том, что она здесь чужая, что всё это временно. Решив сделать ему приятное и приготовить что-нибудь вкусное, Лера отправилась за продуктами.

Находясь в магазине, она почувствовала, как кто-то постучал по её плечу. Лера резко обернулась, и в этом движении было столько напряжения, столько готовности к худшему, что даже обычный жест показался ей угрозой. Перед ней стояла Саша.

— Привет! — с улыбкой сказала Александра, и её улыбка была такой привычной, такой знакомой, что на секунду Лера расслабилась.

— Привет! — Лера была рада видеть её, и в этой радости было столько облегчения, что она едва не расплакалась.

Они поболтали о пустяках, и Лера старательно избегала любых намёков на то, что произошло с ней в последние пару дней. Но голос подруги был холодным, и Лера чувствовала какое-то напряжение между ними, словно невидимая стена медленно вырастала между ними, кирпич за кирпичом. Ей хотелось побыстрее распрощаться, но Александра не давала ей такой возможности, засыпая вопросами, в которых чувствовалось не столько участие, сколько какой-то странный, навязчивый интерес. Спустя полчаса допрос закончился, и они начали прощаться.

— Ладно, надеюсь, до скорой встречи! — сказала Саша, а потом добавила с крайне странной интонацией, от которой у Леры по спине пробежал холодок: — Почаще оглядывайся, а то мало ли что. Вдруг что-то важное пропустишь.

Лера машинально оглянулась, будто в этом движении могла найти объяснение этой странной фразе, а когда повернулась обратно, Александры уже не было. Она исчезла так же внезапно, как и появилась, оставив после себя только это тревожное послевкусие. Лере стало не по себе, и она поспешила домой, будто только там, за закрытой дверью, можно было спрятаться от этой непонятной угрозы.

Зайдя в квартиру Игоря, она решила поднять себе настроение. Включив музыку, занялась приготовлением ужина. Звуки наполнили комнату, вытесняя тишину, и на какое-то время ей даже показалось, что всё не так уж плохо. Но последние слова, сказанные Сашей, не давали ей покоя, крутились в голове, как застрявшая пластинка: «Что она хотела этим сказать?» И от этого вопроса становилось только холоднее, будто сквозняк незаметно пробрался в квартиру, остужая даже горячий воздух кухни.

Глава 2

Прошло полгода. За эти месяцы квартира Игоря незаметно изменилась: на подоконнике появились цветы, которых раньше не было, на кухне возникли новые чашки, а в углу комнаты вырос целый арсенал детских вещей, словно кто-то медленно, по одному предмету в день, переписывал жизнь этого дома на новый лад. Валерия готовилась к родам. Жила она всё так же у Игоря, и с каждым месяцем её живот становился всё круглее, а движения — осторожнее, будто она несла внутри не просто ребёнка, а целую вселенную, хрупкую и драгоценную.

Все эти полгода он окружал её заботой и вниманием, не требуя ничего взамен. Игорь всегда с работы торопился домой, и в этой торопливости было что-то трогательное и одновременно горькое — будто он боялся, что за время его отсутствия может случиться что-то непонравимое. У него не было времени на личную жизнь: ни встреч с друзьями, ни свиданий, ни простых вечеров в одиночестве — всё подчинилось одному, невидимому ритму, центром которого стала Лера. Она почти каждый день говорила ему, чтобы он подумал о своём будущем, нашёл бы себе девушку, на что Игорь только отшучивался, и в каждой его шутке пряталась надежда, тонкая и упрямая, как росток, пробивающийся сквозь камень.

В глубине души он надеялся, что Лера обратит на него внимание и у них получится семья. Он ловил каждый её взгляд, каждое случайное прикосновение, каждое доброе слово — и всё это складывал внутри, как человек, который бережёт редкие монеты, не зная, даст ли им когда-нибудь ход. Но для неё он был всего лишь другом — надёжным, тёплым, незаменимым, но только другом. Она не могла дать ему ту женскую ласку, на которую Игорь надеялся, и он это чувствовал, но продолжал быть рядом, потому что уйти было бы хуже, чем остаться и ждать. Если бы они встретились раньше, может, всё и было бы по-другому: другие обстоятельства, другие чувства, другая история. Но всё сложилось, как сложилось, и против этого не пойдёшь.

Тихий и спокойный вечер прервался. За окном уже стемнело, и в комнате горел только торшер, отбрасывая на стены мягкие, тёплые тени. Лера сидела на диване, и вдруг её лицо исказилось от боли — острой, внезапной, как удар, пронзившей низ живота.

— Лера, что с тобой? Что случилось? — Игорь выглядел напуганным, и в его глазах читалась та растерянность, которая приходит, когда привычный мир вдруг рушится за одну секунду.

— Не знаю, у меня низ живота болит, — она схватилась за живот, и её пальцы побелели от напряжения. Он помог ей перебраться на диван, но боль не утихла, а стала сильнее, накатывая волнами, каждая из которых была тяжелее предыдущей.

— Может, скорую вызвать или таблетки какие принести? Ты только скажи, я всё сделаю, — Игорь умоляюще смотрел на неё, и в этом взгляде было столько беспомощности, столько отчаяния, что Лера, несмотря на боль, почувствовала укол жалости.

— Нет, не надо. У меня, кажется, роды начинаются. Отвези меня в больницу, — Лера попыталась улыбнуться, но сильная боль не давала ей расслабиться, и она прикрыла глаза, будто пытаясь спрятаться от этой боли за закрытыми веками.

Дальше всё происходило в суматохе. Игорь бегал по квартире, собирая вещи, и в этом беге было столько суетливой, почти комичной неуклюжести, что в другой ситуации это могло бы вызвать улыбку: он хватал то одно, то другое, ронял, поднимал, снова хватал, а Лера стояла в дверях, прижав руки к животу, и смотрела на него с той странной отстранённостью, которая приходит, когда боль становится привычной. Дорога до больницы была не очень долгой, но каждая минута в машине тянулась, как час. Игорь гнал, нарушая все правила, и его руки на руле побелели, а губы беззвучно шептали что-то — может, молитву, может, просто её имя. Добравшись до больницы, врачи увозили Леру на каталке в родильное отделение, и коридор больницы, с его холодным белым светом и запахом хлорки, показался ей длиннее любого пути, который она когда-либо проделывала. Врач что-то говорил ей, возмущался, потом переключился на Игоря, и его голос звучал глухо и далеко, будто доносился сквозь толщу воды. Лера из-за сильной боли не понимала ни слова.

Когда Лера пришла в себя, рядом стоял врач с грозным выражением лица. Свет в палате был резким, больничным, и от него болели глаза. Запах лекарств и стерильности заполнял всё пространство, и Лере казалось, что она лежит не на кровати, а на холодном камне.

— Что вы можете сказать в своё оправдание? — его голос прозвучал как приговор, и от него повеяло такой тяжёлой, безапелляционной строгостью, что Лера невольно сжалась.

— Что вам сказать? — с непониманием Лера смотрела на врача, и в её взгляде была не дерзость, а искренняя растерянность человека, которого обвиняют в чём-то, чего он не понимает.

— Почему вы не стояли на учёте? В вашем состоянии могли вообще запретить рожать. Вы могли умереть при родах. Где ваша голова? У вас серьёзные проблемы со здоровьем, — его гнев только нарастал, и каждое слово падало, как тяжёлый камень, но Лера их почти не слышала, потому что все её мысли были о другом.

— Где мой ребёнок? С ним всё в порядке? — своё здоровье интересовало её меньше всего, и в этом вопросе было столько тревоги и столько надежды, что врач, несмотря на свой гнев, не смог не смягчиться.

— Да, слава богу, с ним всё хорошо. У вас мальчик, здоровенький, как ни странно. В следующий раз, когда надумаете завести ребёнка, сначала встаньте на учёт, — говорил он с суровым видом, но в его голосе уже не было прежней ярости, только усталость и профессиональная обречённость.

— Хорошо.

— Кстати, ваш муж беспокоится, пропустить его в палату?

— Какой муж? — Лера была удивлена, и эта удивлённость была такой искренней, что врач не удержался от улыбки.

— Который вас привёз, — врач улыбнулся и вышел, а через секунду появился Игорь, и в его руках был огромный букет, немного помятый, будто он долго таскал его с собой, не зная, куда деть.

— Привет, как самочувствие? — он сел на край кровати, и в этом движении была такая осторожность, будто он боялся разбить что-то хрупкое.

— Спасибо, всё нормально, — Лера улыбнулась, и эта улыбка была первой по-настоящему светлой за последние полгода.

— Ты заставила меня понервничать. Почему ты не сказала, что у тебя проблемы со здоровьем? Врач на меня кричал, а я не мог ничего сказать, — Игорь был встревожен, и в его голосе звучала та обида, которая рождается не от злости, а от страха.

— Извини, я не думала, что всё так серьёзно. Я тут подумала, сына Евгением назвать. Как тебе? Нравится?

— Да, красивое имя, — он наконец-то расслабился и стал улыбаться, и эта улыбка была такой светлой, такой облегчённой, что на мгновение они оба забыли обо всём, что было до этого момента.

Спустя неделю Леру и ребёнка выписали. Игорь встречал их при выписке, и в его руках снова были цветы, а на лице — та особая, сдержанная радость, которую трудно скрыть, даже если очень стараешься. Она всю себя посвятила ребёнку, постепенно забывая о прошлом, и это забвение было не стиранием, а скорее наслоением: новые дни, новые заботы, новые бессонные ночи ложились поверх старых ран, как свежий снег на битый лёд. Женечка рос шустрым и смышлённым ребёнком. Он был очень похож на отца, и это сходство, проявлявшееся всё отчётливее с каждой неделей, было как тихая, горькая насмешка судьбы. Те же глаза, тот же разрез бровей, та же ямочка на подбородке, и всякий раз, когда Лера смотрела на сына, перед ней вставал Павел, живой и близкий, и от этого взгляда боль возвращалась, тупая и ноющая, как старая рана, которая ноет на смену погоды.

Они ходили гулять в парк, иногда Игорь ходил с ними. Лера улавливала взгляды прохожих: женщины улыбались, мужчины кивали, и в этих взглядах читалась простая, беззлобная зависть тех, кто видел перед собой то, чего у себя не имел. Со стороны они создавали впечатление счастливой семьи, хоть и не являлись ей на самом деле, и эта иллюзия была такой убедительной, что иногда Лера сама почти верила в неё, а потом спохватывалась и чувствовала себя ещё хуже, потому что ложь, в которую веришь, всегда больнее правды, которую знаешь.

Как-то придя с прогулки, Лера начала готовить ужин, а Игорю кто-то позвонил. Он собрался и ушёл, и в этом уходе была та же суетливая поспешность, что и полгода назад, когда он собирал вещи в больницу, но сейчас в ней не было тревоги за Леру — только неловкость человека, который чувствует, что застигнут врасплох. Спустя десять минут домашний телефон зазвонил снова. Лера сняла трубку и услышала Сашин голос, и от этого голоса по спине пробежал холодок, как от прикосновения чего-то скользкого и холодного.

— Милый, наш сын по тебе соскучился, я тоже. Когда ты вернёшься домой? Я понимаю, ты добрый и хочешь помочь Валерии, но почему мы должны страдать? Твоя помощь затянулась, возвращайся домой, даю сутки.

Не дожидаясь ответа, она бросила трубку. Лера стояла, прижимая трубку к уху, ещё несколько секунд после того, как раздались короткие гудки, и в её голове эхом повторялись слова, каждое из которых било точно в цель. Лера была в шоке от услышанного. Немного придя в себя, она обдумывала, что ей делать дальше, и мысли металась, как пойманные птицы, не находя ни одной точки, за которую можно было бы уцепиться. Не дожидаясь возвращения Игоря, Лера наспех собрала вещи, позвонила одному знакомому, договорилась о встрече. Она собрала сына, взяла вещи и ушла, и за ней закрылась дверь квартиры, которая полгода была ей домом, а теперь оказалась чужой.

Встретившись с Антоном, она рассказала ему, что случилось с ней, пока они не виделись. Он внимательно слушал, и в его тишине не было равнодушия — скорее то напряжение, которое возникает, когда человек впитывает каждое слово, боясь упустить важное. Валерия закончила рассказ, Антон продолжал молчать, и в этом молчании было столько всего, что оно казалось громче любых слов. Не выдержав тишины, Лера первая прервала её:

— Ну что скажешь? — она с нетерпением ждала ответа, и в этом нетерпении звучала не просто просьба об *ορίσιον*, а отчаянная надежда на то, что он скажет что-то, что всё расставит по местам.

— М-м, да! Я даже поверить не могу, что за два года можно столько пережить, — Антон секунду помолчал, и в этой паузе чувствовалось, как он подбирает слова, осторожно, как хирург подбирает инструменты. — Что ты думаешь делать? С Игорем будешь разговаривать?

— Нет, он и так из-за меня чуть семью не разрушил, — её голос звучал твёрдо, но за этой твёрдостью пряталась вина, которую она старательно загоняла внутрь.

— А как же ты и ваш ребёнок?

— Ребёнок у меня от Павла, а с Игорем мы были просто друзьями. Он всегда надеялся на большее, но я держалась на расстоянии, — Антон удивился, но попытался скрыть это, и это скрытое удивление мелькнуло в его глазах на долю секунды, как вспышка света в тёмной комнате.

— Понятно... Я так полагаю, вам негде больше жить? — она покачала головой, и это движение было почти неуловимым, но в нём было столько безнадёжности, что Антон не стал больше спрашивать. — Ну, тогда как истинный друг предлагаю вам своё скромное жильё, — последнюю фразу он сказал с насмешкой, наверное, хотел поднять ей настроение, но Лере было не до этого, и его шутка повисла в воздухе, как неловкое эхо. — Я вообще не понимаю, почему ты сразу мне не позвонила, а пошла к этому Игорю? Ты ведь знаешь, где меня найти. Я бы тебя никогда не выгнал.

Она пожала плечами, хотя на самом деле она не хотела беспокоить Антона. Лера знала, что он любит её ещё с тех пор, когда она была замужем, и эта любовь, тихая и терпеливая, как пламя свечи, которую никто не задует, но и не подносит к ней спичку, всегда была между ними — невысказанная, но очевидная. Лера и сейчас-то позвонила ему потому, что у неё на руках ребёнок, а ей совсем некуда пойти. Теперь Антон наверняка будет пытаться завоевать её сердце, раз уж Павла больше нет, и от этой мысли ей стало неуютно, будто она стояла на краю чего-то, откуда нет пути назад.

— Пошли, что задумалась? — Антон потряс её за плечо, и в этом жесте была та лёгкая, дружеская небрежность, за которую она когда-то его и ценила.

Они зашли в квартиру Антона. Там мало что изменилось с тех пор, как Лера была там в последний раз, и это постоянство казалось почти утешительным, словно сам факт, что некоторые вещи остаются на своих местах, мог служить гарантией того, что и в её жизни что-нибудь однажды устоит. В квартире процветал минимализм: ничего лишнего, ничего случайного, каждая вещь стояла на своём месте с той точностью, которая выдаёт человека, привыкшего контролировать не только пространство вокруг себя, но и всё остальное. В спальне стояли рабочий стол, кровать и шкаф. В зале — стенка, диван и два кресла, сиденья которых казались нетронутыми, будто ими редко пользовались. На кухне, как всегда, царил идеальный порядок, и от этой идеальности веяло чем-то стерильным, почти больничным. Антон всегда любил чистоту и старательно её поддерживал, и в этой любви к чистоте была не просто привычка, а потребность в порядке, который он мог контролировать, в отличие от всего остального в его жизни.

Глава 3

Прошло полгода, как Лера с малышом жили у Антона. Дни складывались в недели, недели — в месяцы, и прошлое, которое когда-то казалось нерушимой стеной, постепенно стало отходить на второй план, словно силуэт, растворяющийся в утреннем тумане. Квартира Антона понемногу наполнялась звуками новой жизни: тихим лепетом Женечки, шорохом распашонок, звоном детской посуды. Антон делал всё, чтобы она полюбила его: не давил, не торопил, но каждый его жест, каждый взгляд был наполнен таким терпеливым ожиданием, что Лера невольно чувствовала себя должницей. Она стала подумывать о замужестве с Антоном, но что-то её держало, какой-то невидимый, но очень прочный барьер, который не позволял

ей ответить ему взаимностью. В её душе не было пустоты — скорее, там всё ещё жил отзвук прошлого, тихий, но упрямый, как эхо в глубокой пещере.

Чтобы поставить точку в прошлом, Лера решила пойти к бывшей соседке, узнать, что стало с Павлом. Оставив сына с Антоном — а в этом доверии было столько тепла и столько боли одновременно, — она поехала разобраться с прошлым. Город мелькал за окном такси привычными, но теперь чужими пейзажами, и каждый поворот, каждый перекрёсток будто шептал: «Ты уже не та, что была раньше».

Лера зашла в подъезд, и сердце забилося чаще, как у птицы, попавшей в силки. Знакомый запах старой краски и пыли ударил в нос, возвращая её в те дни, когда этот подъезд был её домом, её крепостью, её тюрьмой. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы унять дрожь, она постучала в дверь тёти Ани. Секунды тянулись, как тягучая смола, и каждый удар сердца отдавался в висках. Наконец дверь открылась. Тётя Аня смотрела на Леру несколько долгих секунд, будто пыталась разглядеть в ней ту самую девушку, которую знала когда-то, а потом её лицо расплылось в улыбке, тёплой и немного дрожащей, как пламя свечи на ветру. Она распахнула дверь шире, приглашая зайти.

— Бог ты мой! Лера, ты?

— Да, тёть Ань, здравствуйте! — Лера тоже улыбнулась, но улыбка получилась натянутой, будто маска, которую она надела, не совсем подходила к её лицу.

Они прошли на кухню и сели за стол. Чайник тихо шумел, отбрасывая на стены дрожащие тени, и этот привычный звук вдруг показался Лере самым родным на свете.

— Где ты была всё это время?

— Жила у знакомых. А что с Павлом? Нашли того, кто это сделал? — она пыталась сохранить спокойствие, но голос предательски дрогнул, выдавая всю ту бурю, что бушевала внутри.

— Нападавшего так и не нашли. Павел еле выкарабкался. Долго лежал в больнице, а когда поправился, пытался тебя найти. Мы думали, что тебя нет в живых. Он очень страдает, — говорила тётя Аня с сочувствием, и в её словах было столько горечи, что Лера почувствовала, как внутри всё сжимается.

Услышав, что муж жив, у Леры внутри всё затрепетало, как крылья пойманной бабочки. Ей хотелось бежать домой, кричать, плакать, обнимать его, но она застыла на месте, потому что не знала, что сказать. Её не было почти три года: ни звонков, ни писем, ни весточки. А теперь что — «здравствуй, я вернулась»? Просто смешно.

— Ты хочешь увидеть Павла? — тётя Аня смотрела на неё с той особой, материнской пронизательностью, которая видит не только слова, но и то, что прячется за ними. Лера машинально покачала головой в знак согласия. — Так подожди, он скоро придёт с работы, — тётя Аня улыбнулась, и в этой улыбке было столько надежды, что Лере стало ещё страшнее.

— Я пойду, подожду его дома, — пробормотала она, и тётя Аня согласно кивнула, будто понимала, что сейчас любые слова будут лишними.

Когда Лера зашла в квартиру, на неё нахлынули воспоминания, тяжёлые и плотные, как мокрый туман. Всё было так же, как и прежде: те же обои с едва заметным узором, тот же шкаф, скрипучий, как старая песня, те же фотографии в рамках, где они с Павлом улыбались, не зная, что ждёт их впереди. Она ходила по квартире, рассматривала фотографии, статуэтки, трогала пальцами каждую мелочь, будто пыталась на ощупь вспомнить ту жизнь, которая когда-то была её собственной. «Будет ли Павел рад её появлению? Что она ему скажет? Что ответит на вопрос, почему так долго не приходила?» — эти вопросы кружились в голове, как осенние листья на ветру, и ни на один из них не было ответа. За размышлениями она прилегла на диван и задремала, и сон её был беспокойным, полным смутных образов и обрывочных фраз.

Проснулась Лера от прикосновений Павла. Его рука была такой знакомой, такой родной, что на мгновение ей показалось, что все эти годы были просто дурным сном. Она была рада видеть его: всё ту же нежную улыбку, добрые морщинки вокруг глаз, шелковистые тёмные волосы, в которых уже пробивалась первая седина.

— Привет, не ожидал тебя здесь увидеть. Сначала я подумал, что ты мираж, — его взгляд стал серьёзным, и она поняла, что он давно уже её не ждёт. Лера его в этом не винила.

— Привет. Прости, что вошла без тебя, да ещё и улеглась как у себя дома, — она попала в самую точку: это был уже не её дом и не её муж, и от этой мысли внутри всё сжалось.

— Чем обязан твоему визиту? — Павел посмотрел на Леру не то чтобы с ненавистью, но скорее даже с отвращением, и этот взгляд был холоднее любого мороза.

— Я... я пришла к тёте Ане узнать, что с тобой стало. Она сказала, что ты жив, и вот я здесь, — заикаясь от волнения, Лера кое-как выговорила предложение, и каждое слово давалось ей с трудом, будто она пробиралась через густой, липкий туман.

— А-а-а... Ты меня уже похоронила и продолжила жить дальше, да? — его глаза блеснули гневом, острым и холодным, как лезвие.

— Зачем ты так? Я винила себя за случившееся. Если бы я смогла уснуть, то мы оба были бы мертвы, — она пыталась сдержать слёзы, но они уже подступали, горячие и злые.

— Лучше умереть, чем жить в поисках жены в надежде, что спасёшь ей жизнь, а она живёт в своё удовольствие, — в последние слова Павел вложил столько ненависти, на сколько был способен, и эта ненависть повисла в воздухе, тяжёлая и удушающая.

— Ты не простишь меня? — Лера смотрела на него с надеждой, хрупкой и почти стыдливой, как ребёнок, который ждёт, что его всё-таки простят.

— Не знаю... Спустя столько времени всё ещё не верю, что ты здесь, — он был немного растерян, и в этой растерянности было столько боли, что Лера почти почувствовала её как свою собственную.

— Я вернулась. Может, сядем, поговорим?

— Вернулась? — его глаза вновь вспыхнули гневом. — А где ты была эти три года? Где? — последнее слово он говорил по буквам, с такой злобой, что ей хотелось провалиться сквозь землю, исчезнуть, стать невидимой.

— Ты не имеешь права меня судить. Думая, что ты умер, я просто пыталась выжить, — Лера перешла в защиту, и её голос стал грубее, жёстче, будто она надевала броню, чтобы не рассыпаться на части.

— Боже, как трогательно, сейчас расплачусь, — Павел стал ерничать, и эта насмешка была больнее любой пощёчины.

— За что ты так со мной? — не сумев сдержать слёзы, они хлынули крупными каплями по её щекам, и она уже не пыталась их вытирать.

— Не надо играть! Ты меня не разжалобишь слезами. Не думаю, что ты три года в монастыре прожила. Пришла порядочную жену строить, — каждое его слово било точно в цель, и Лера поняла, что прошлого уже не вернуть. Весь разговор был бесполезен и не имел смысла.

Она приняла решение уйти.

— Я думаю, что мне лучше уйти, — она встала и направилась к двери, и каждый её шаг отдавался глухим эхом в пустой квартире.

— Давай, иди. Давно пора! Тебя наверняка ждут, — выплюнул он с желчью, и эти слова ударили по ней, как ледяной ветер.

Выйдя из квартиры, Лера дала волю чувствам и залилась слезами. Она так и не сказала Павлу, что у него есть сын, и эта недоговорённость жгла её изнутри, как раскалённый уголь. Бродя по улицам, она вновь села на ту же лавочку, что и той ночью, когда её жизнь раскололась

надвое. Ветер шевелил волосы, холодный и равнодушный, и казалось, что весь мир смотрит на неё с тем же безразличием, с каким смотрел Павел.

Вернувшись к Антону, она рассказала всё, что произошло. Они проговорили до поздней ночи, и тишина между их словами была такой густой, что её можно было резать ножом.

— Лер, ты его до сих пор любишь? — Антон смотрел на неё, и в его глазах была такая боль, что ей захотелось закрыть их руками, спрятать от этого света, от этой правды.

— Я не хочу, чтоб у нас были секреты, но я не знаю. Наверное, я ещё что-то чувствую к Павлу. Ты мне очень нравишься, я тебя уважаю, но не люблю, и ничего поделать не могу, — ей было невыносимо тяжело осознавать, что из-за неё страдает столько людей, что она не может сделать счастливой даже себя, что говорить о других.

— Ты всегда можешь на меня рассчитывать. Но держать я тебя не буду. Если ты захочешь, ты всегда можешь уйти — это твоё право. Не подумай, что я тебя выгоняю. Просто если когда-нибудь ты захочешь уйти, не хочу, чтоб ты боялась мне об этом сказать, — его голос звучал спокойно, но за этим спокойствием пряталась такая глубокая рана, что Лера едва не заплакала снова.

— Хорошо, только давай закончим этот разговор, — ей было неловко, стыдно, горько, и все эти чувства сплетались в один тугой узел, который невозможно было развязать.

Прошла неделя. Всё было спокойно, и эта тишина казалась почти подозрительной, как затишье перед бурей. Лера ждала Антона с работы. Он задерживался, без предупреждения, такого раньше не было, и на душе у Леры скребли кошки, острые и безжалостные. Она решила выглянуть в подъезд, в надежде увидеть Антона, поднимающегося по лестнице. Но вместо этого Лера увидела лужу крови, в которой лежал Антон. Мир на мгновение замер, а потом рухнул, рассыпавшись на тысячи осколков. Она трясущимися руками взяла телефон и вызвала скорую помощь. Его увезли в больницу, и время превратилось в тягучую, вязкую массу, в которой невозможно было дышать.

Лера договорилась с соседкой, чтобы та посидела с Женечкой, а сама помчалась в больницу. Шла операция, врачи боролись за жизнь Антона, и каждый удар часов в коридоре звучал как приговор. Пока шла операция, Лера ходила по больничному коридору, и её шаги отдавались глухим эхом, будто она шла не по линолеуму, а по дну глубокого колодца. Время тянулось мучительно медленно, и каждая минута казалась вечностью. Когда врач вышел из операционной, она молниеносно подлетела к нему, и в этом движении было столько отчаяния и столько надежды, что врач на секунду замер. От врача Лера узнала, что Антону нанесли три ранения и он чудом остался жив.

По дороге домой она обдумывала, что происходит вокруг неё. Кто-то планомерно, шаг за шагом, пытается уничтожить её жизнь, и эта мысль была такой холодной, такой чёткой, что Лера вдруг поняла: так дальше продолжаться не может. Надо выяснить, кто за этим стоит, во что бы то ни стало.

Зайдя в квартиру, Лера принялась собирать вещи. Она решила увести сына к своей маме. Мать Леры жила в другом городе, и они добрались до неё к утру, когда небо уже начинало светлеть, окрашивая улицы в бледно-розовый цвет. Её мать очень обрадовалась, увидев Леру, и в этой радости было столько любви, столько тепла, что на мгновение Лера почувствовала себя снова маленькой девочкой, которой ничего не страшно.

— Доченька! Наконец-то ты приехала! — она кинулась обниматься. — А где же Павел?

— Мам, у нас кой-какие проблемы. Можно я оставлю у тебя сына на некоторое время? — голос Леры звучал твёрдо, но в нём дрожала та самая уязвимость, которую невозможно скрыть от матери.

— Да, конечно. А что случилось? — мама забеспокоилась, и её тревога была такой искренней, такой живой, что Лере захотелось всё ей рассказать, но она не могла.

— Я тебе потом всё объясню. Мне надо скорей вернуться обратно. Я не знаю, когда вернусь, позаботься о Женечке, — слова давались ей с трудом, и каждое из них было как камень, который она клала на сердце.

— Да-да, конечно, — у неё был расстроенный вид, и Лера почувствовала себя ещё хуже.

— Вот деньги, я поехала. Счастливо, — Лера поцеловала сына, маму и уехала, и каждый шаг к двери отзывался в груди острой, режущей болью.

По возвращении Лера сразу отправилась в больницу. Антон ещё не приходил в себя, и его неподвижность пугала её больше любых слов. Она просидела у его постели двое суток, прежде чем он пришёл в себя.

— Валерия... Как я рад тебя видеть. Где я? — говорил Антон слабым голосом, и от этих слов Лере стало намного легче, будто с её плеч свалился огромный камень.

— Ты в больнице. Что случилось в подъезде?

— На меня напал парень в маске, — он хотел приподняться, но Лера его остановила, и её руки были такими тёплыми, такими надёжными, что он невольно расслабился.

— Лежи, ты ещё слаб. Я увезла сына к маме. Хочу разобраться, кто портит нам жизнь.

— Увезти сына было хорошей идеей, — Антон улыбнулся сквозь боль, и эта улыбка была такой светлой, что Лера на мгновение поверила, что всё будет хорошо.

Прошло две недели, Антона выписали. Они ломали голову, кто бы мог так отчаянно жаждать их смерти, но в голову ничего существенного не приходило, и эта пустота была почти страшнее любых подозрений. Время шло, ничего не происходило, и эта тишина начинала давить, как тяжёлое одеяло, под которым невозможно дышать.

Валерия стала почаще бывать в людных местах, в надежде, что человек, который хочет её уничтожить, проявит себя. Она сидела на лавочке в парке, и солнце грело плечи, но внутри всё равно было холодно. К ней подошёл человек, одетый во всё чёрное, и его тень легла на траву, как зловещее предзнаменование.

— Я бы не советовал вам появляться на людях, пока не уладите дела со своими врагами. Я даю вам второй шанс, но он последний. Следующая наша встреча закончится для вас плачевно, — его голос был ровным, безэмоциональным, и от этого он казался ещё страшнее. Парень отправился к выходу из парка, а Лера так и осталась сидеть на лавочке, и мир вокруг неё вдруг стал каким-то плоским, двухмерным, будто она смотрела на него сквозь толстое стекло.

Она была растеряна, и в голове стало появляться куча мыслей, беспорядочных и пугающих. «Какая же она глупая, её могли убить, и она так и не узнала бы, кто в этом виноват», — эта мысль жгла её изнутри. Она резко встала и быстро направилась к выходу, и каждый её шаг был наполнен решимостью, которую она сама едва узнавала. Лера оценила данный ей шанс, но бегать и прятаться не хотела. Вся эта история отняла три года её жизни, и она не хотела всю жизнь ждать нового удара. Но что делать, она так и не придумала, и эта неопределённость висела над ней, как тёмная туча, готовая в любой момент разразиться грозой.

Глава 4

Следующую неделю Валерия жила как на пороховой бочке. Каждый скрип половицы, каждый шорох за стеной заставлял её вздрагивать и сжиматься, будто она превратилась в натянутую струну, готовую лопнуть от малейшего прикосновения. Когда Антон задерживался на работе, хоть на пять минут, она начинала нервничать и не находила себе места: ходила по квартире из угла в угол, то и дело подходила к окну, выглядывала на улицу, прислушивалась к звукам подъезда, и каждый шаг на лестнице заставлял её сердце делать судорожный рывок. По его возвращении Лера ругалась, и в её голосе было не столько злости, сколько страха — того самого липкого, удушающего страха, который маскируется под гнев, потому что показать его — значит признать свою уязвимость. Он извинялся, она успокаивалась, и этот повторяющийся

ритуал стал их nightly литургией, механической и почти безжизненной. Каждый вечер подолгу разговаривали: думали, как выйти из этой ситуации, но не могли прийти к обоюдному мнению. Слова сталкивались, как два корабля в тумане, и расходились, не найдя точки соприкосновения. Не придя к компромиссу, разговоры заканчивались ничем, и это «ничто» повисало в воздухе тяжелее любых слов.

Потихоньку стало всё успокаиваться. Проблемы вроде улеглись, и эта тишина казалась почти подозрительной, как затишье перед бурей, когда воздух становится слишком густым и слишком неподвижным, словно природа готовится к чему-то страшному. Лера сидела дома, ждала Антона. Он задерживался, но уже надолго, и каждая лишняя минута ожидания царапала нервы, как ножом по стеклу. Она волновалась больше обычного, и это волнение уже не было просто тревогой — оно стало физическим ощущением, холодным комком где-то под рёбрами, который растёт с каждой секундой, пока не заполнит всё тело целиком. Лера решила выйти на улицу встретить его. Она вышла на лестничную клетку, и в этот момент воздух вокруг неё будто сгустился, приобрёл тяжёлую, почти осязаемую плотность, словно кто-то невидимый стоял за её спиной, выжидая. Она не успела обернуться. Удар по голове был таким резким, таким внезапным, что боль опередила даже осознание. Резкая, ослепляющая, она разлилась от затылка во все стороны, как круги на воде от брошенного камня, и каждый круг был острее предыдущего. Перед глазами всё поплыло, очертания лестничной клетки растворились в мутной, серой пелене, звуки исказились, стали далёкими и гулкими, будто она погружалась на дно глубокого колодца. Она потеряла сознание. Последнее, что промелькнуло у неё в голове: «Ну вот и всё, настал час расплаты!»

Когда Лера пришла в себя, она лежала на холодном, грязном полу, пристёгнутая наручниками к батарее. Металл больно врезался в запястья, и каждая пульсация крови отдавалась в них тупой, ноющей болью. Валерия огляделась: незнакомая полутёмная комната, в которой царил запах плесени, застарелой сырости и чего-то ещё — металлического, тошнотворного, что ли. Воздух был затхлым и тяжёлым, словно здесь не открывали окна уже много лет. Повсюду грязь: на стенах, на полу, в углах, где пыль и паутина сплетались в причудливые, мрачные гирлянды. Свет пробивался сквозь единственное окно, забранное грязной тряпкой, и ложился на пол неровным, дрожащим пятном, будто даже солнце боялось заходить в это место. В противоположном углу лежал Антон. На его лице были видны следы побоев: ссадины, кровоподтёки, разбитая губа — и в этом неподвижном, изломанном теле было столько тихой беззащитности, что у Леры перехватило дыхание. Он был без сознания.

У Леры дико болела голова, боль пульсировала в висках, тупая и непрекращающаяся, словно кто-то забыл выключенный молоток внутри её черепа. Охватывающий страх немного притуплял боль, и это было странное, горькое чувство: страх как обезболивающее, словно тело само выбирает, с чем бороться в первую очередь. В голову лезли дурные мысли, тёмные, липкие, как паутина, они обволакивали сознание, шепча о худшем. Она гнала их, не желая верить в худшее. Лера собиралась бороться до последнего, и эта решимость, хоть и держалась на одном только упрямстве, была единственным, что не давало ей рассыпаться на части. Но боль не давала ей сосредоточиться, и каждая попытка думать ясно разбивалась о неё, как волна о скалу.

Открылась дверь с протяжным, ржавым скрипом, и в комнату вошёл высокий парень. Свет из коридора упал на его лицо, и Лера прищурилась, пытаясь разглядеть его. Приглядевшись, она узнала в парне Михаила, с которым встречалась, когда училась в школе. Узнала не сразу — его черты за эти годы огрубели, заострились, и в его взгляде появилось что-то новое, чего она раньше не видела: холодная, расчётливая жестокость, спрятанная за маской спокойствия.

— Ну, наконец-то, вы соизволили проснуться. Ты заставила меня ждать, — он соорудил зловещую гримасу и присел рядом с ней, и от его близости повеяло чем-то неприятным, тяжёлым, как запах надвигающейся грозы. — А ты молодец, не стала прятаться. Похвально.

— Что тебе от меня надо? — Лера была настроена агрессивно, и в её голосе, несмотря на боль и страх, звучала такая непреклонность, что Михаил невольно приподнял бровь.

— Ох, боюсь, боюсь, — Михаил рассмеялся ей в лицо, и этот смех был не весёлым, а каким-то скрежещущим, неприятным, как звук ржавых петель.

— Может, просветишь, зачем тебе это нужно? Зачем ты систематически ломаешь мне жизнь?

— Ты меня бросила, и мне это не понравилось, — вполне серьёзно ответил парень, и от этой серьёзности Леру пробрал холод: она поняла, что имеет дело не с обычным мстителем, а с человеком, чьё восприятие реальности давно сместилось, покосилось, как дом, чей фундамент дал трещину.

— Я тебя бросила? — она была возмущена. — Насколько я помню, это ты мне изменял, а потом бросил.

— Да, но потом я умолял тебя вернуться и начать сначала. Говорил, что люблю тебя. А ты? Ты вытерла об меня ноги, — он смотрел на Леру с презрением и надменностью, и в его глазах горел огонь, который невозможно было спутать ни с чем: это был огонь оскорблённого эго, раздутый годами до невероятных размеров. — Я рад, что твой мужёк умер, — его глаза блеснули гневом.

«Значит, Михаил не знает, что Павел выжил», — подумала Лера, и эта мысль была единственным лучом света в кромешной тьме. Это уже хорошо, значит, хотя бы ему больше ничего не угрожает. У неё не было сил. Лера хотела прекратить этот цирк как можно скорее, и в этом желании было не малодушие, а отчаянная усталость человека, который слишком долго бежал и слишком долго боялся.

— Давай, убей меня поскорее и закончим этот бред, — её голос был на удивление спокоен, будто она смирилась, и это спокойствие было таким неестественным, таким не похожим на неё, что даже Михаил на мгновение замер.

— Э-э-э... нет, дорогая, ты так быстро не отделаешься, — лицо Михаила олицетворяло бурю эмоций: ненависть, презрение, злоба и надменность сменяли друг друга так быстро, что Лера не успевала их считывать. — Перед этим ты увидишь, как умрёт твой любовничек, потом ты ответишь за то, как ты обошлась со мной, и только потом ты умрёшь.

— Что за бред?! У тебя крыша поехала?! — Лера кипела от возмущения, и её голос стал громче, забыв про осторожность. — Хватит играть в обманутого и обиженного, фильмов пересмотрел, что ли? Многие расходятся, и никто ещё не убивал друг друга. Ты похож на маленького ребёнка, у которого игрушку отобрали...

Михаил со злостью вlepил ей пощёчину. Удар был такой силы, что голова дёрнулась в сторону, а щека загорелась, будто её окатили кипятком. На секунду в глазах потемнело, а в ушах зазвенело.

— Заткнись, — прошипел он злобно, и в этом шёпоте было больше угрозы, чем в любом крике. — Ты сделала мне больно, а я сделаю тебе в сто раз больше.

Он встал и пошёл к выходу. У двери Михаил остановился, повернулся к Лере и пристально смотрел минут десять. За это время его глаза сменили много масок: некоторые было трудно понять, некоторые читались легко, как страницы открытой книги. Лера пыталась понять, о чём он думает, но не могла, и от этого бессилия становилось ещё страшнее. Но вдруг, после стольких агрессивных выражений, она увидела сначала жалость, потом любовь, которую сменила боль — и это было самое страшное, потому что в этом мгновении, почти неуловимом проблеске Лера увидела настоящего Михаила, того мальчишку, которого когда-то знала, и поняла, что он болен не телом, а душой, и что эта болезнь зашла так далеко, что возвращение уже невозможно. Михаил вышел и закрыл дверь, и звук поворачивающегося замка прозвучал как приговор.

После его ухода Лера дала волю чувствам и заплакала. Слезы текли по щекам, горячие и горькие, но она быстро решила взять себя в руки, потому что слёзы здесь не помогут, а сила воли — единственное оружие, которое у неё осталось. Она должна быть сильной, ради себя и Антона. Лера не могла поверить, что Михаилу было больно настолько, чтобы он мог наделать столько глупостей, но и отрицать это не могла: в его глазах она видела то, что невозможно подделывать, — настоящую, искреннюю, искореженную боль, которая превратилась в нечто уродливое и разрушительное. «Надо как-то выбираться из этого места», — подумала Лера, и эта мысль стала якорем, за который она уцепилась изо всех оставшихся сил.

— Антон... Антон, — она пыталась как можно тише позвать его, и её голос, шёпотом летящий через тёмную комнату, казался ей таким хрупким, таким тихим, что она боялась, как бы он не рассыпался, не долетев.

Он не подавал признаков жизни. К горлу подкатывал комок, тяжёлый и острый, который невозможно было ни сглотнуть, ни выплюнуть. Ей было страшно, и этот страх был другого рода, чем раньше: не за себя, а за него, и от этого он был ещё мучительнее. Лера не знала, сколько прошло времени, но ей казалось непомерно много, и каждая минута, проведённая в этом полумраке, в этой грязи, в этой тишине, была как маленькая вечность, медленно сжигающая её изнутри. Незнание сводила её с ума.

— Ну что, соскучилась? — Михаил был в приподнятом настроении, и от этого настроения веяло такой зловещей беззаботностью, что по спине пробежал холодок. В руках он крутил пистолет, и металл тускло поблёскивал в тусклом свете, как зловещая игрушка.

— Как-то не очень, — она пыталась сдерживаться, чтобы не выводить Михаила из себя, и каждое слово подбирала с такой осторожностью, будто шла по минному полю. — Что с Антоном?

— Переживаешь? — спросил он с ухмылкой, и эта ухмылка была такой самодовольной, такой чужой, что Лере захотелось стереть её с его лица. — Он под снотворным.

Ей стало легче от сказанного, и это облегчение было таким сильным, что на мгновение у неё закружилась голова.

— Ну и когда ты начнёшь воплощать свой план в действия?

Он оставил вопрос без ответа, и это молчание было хуже любого ответа.

— Когда я за вами следил, видел ребёнка. Где он?

У Леры участилось сердцебиение, и она почувствовала, как кровь отхлынула от лица. «Надо что-то быстро придумать», — мелькнуло в голове.

— Это ребёнок Антона, наверное, с его женой, где ему ещё быть, — она отчаянно пыталась не выдать волнения, и её голос, хоть и звучал почти ровно, был похож на натянутую проволоку, готовую лопнуть от любого дополнительного напряжения.

— Ну ладно, одной проблемой меньше, — быстро отмахнулся, поверив в легенду, и Лера мысленно выдохнула, чувствуя, как внутри что-то болезненно отпускает.

Лера хотела сменить тему и вернулась к своему вопросу.

— Так что, с твоим планом, долго мне ещё ждать? — с вызовом спросила она, и в этом вызове была не храбрость, а отчаянная попытка взять ситуацию хоть в какой-то контроль.

— А что, не терпится умереть? — говорил он с издёвкой, и в его голосе звучала та особая, садистская интонация, от которой кожа покрывалась мурашками.

— Да как-то наскучило сидеть, — она поддержала его тон, и этот обмен репликами был похож на танец на краю пропасти, где один неверный шаг означает гибель.

— Не ожидал, что ты захочешь так быстро расстаться с жизнью, — Михаил задумался на какое-то время, и в этой задумчивости было что-то зловещее, как в тишине перед взрывом. — Ну, раз ты настаиваешь, слово дамы для меня — закон, — в его словах звучали настораживающие нотки, и от них повеяло таким холодом, что Лера почувствовала, как внутри всё сжимается.

Он посмотрел на неё с вызовом и сказал:

— Радуйся, твоё желание исполняется, — в его глазах было что-то ненормальное, какой-то лихорадочный, нездоровый блеск, который говорил о том, что точка невозврата уже пройдена.

Михаил вскинул руку и выстрелил в Антона. Звук был негромким, приглушённым глушителем, но для Леры он прозвучал громче любого грома. У Леры потемнело в глазах, и мир вдруг стал чёрным, абсолютным, бездонным, как глубокая шахта, в которую падает камень и никогда не достигает дна. Слезы сами хлынули ручьём, горячим и безудержным, и она даже не пыталась их остановить. Она не могла вымолвить ни слова, в голове эхом раздавался щелчок от пистолета с глушителем, и это эхо повторялось снова и снова, и снова, и снова, как заевшая пластинка. Разум тоже ей не подчинялся, мысли путались, сталкивались, рассыпались, и единственное, что она понимала, — это то, что она виновата. В том, что произошло. В Лериной голове происходило самобичевание: она проклинала себя, свой каждый шаг, каждое решение, каждый день своей жизни, приведший к этому мгновению. В ней было отчаянье и ненависть, но не к Михаилу, а к себе, и эта ненависть была такой жгучей, такой всепоглощающей, что от неё перехватывало дыхание. Лера считала, что приносит всем несчастья, и что лучше бы её застрелили, и эта мысль была не позицией, а болью, чистой, нефильтрованной болью, которая затмевала всё остальное.

Шок по-немногу начал проходить, а разум возвращаться, медленно, неуверенно, как человек, выходящий из глубокого обморока. В душу закралась маленькая надежда, робкая и почти болезненная в своей хрупкости: а что, если Антон ещё жив? Ему нужна помощь врачей, и эта мысль стала той соломинкой, за которую она схватилась из последних сил.

Михаил двинулся ей навстречу. Он смотрел на неё с таким вожделием, что Лере стало не по себе: его взгляд был маслянистым, липким, и от него хотелось отмыться. Тут её разум окончательно вернулся, и в голове родился план, ещё сырой, неоформленный, но уже живой, отчаянный, как последний шанс.

— Теперь нам никто не помешает, ты будешь моей, — его голос был низким, хриплым, и от него повеяло такой животной, первобытной жадой, что по коже пробежала волна отворачивания.

Михаил стал целовать её и лапать, и его прикосновения были такими грубыми, такими чужими, что Лера чувствовала, как внутри неё что-то сжимается в тугой, злой комок. Валерии было противно, до тошноты, до дрожи, но она держалась изо всех сил, стиснув зубы так, что они скрипели. Это единственная возможность выбраться самой и попытаться спасти Антона, и эта мысль была единственным, что не позволяло ей оттолкнуть его, вскочить, закричать. Михаил отложил пистолет в сторону, и Лера заметила это, и её взгляд метнулся к оружию, как к спасательному кругу в бушующем море. Он навалился на Валерию, тяжёлый, горячий, дышащий ей в лицо. Она обняла его одной рукой за спину. Лера начала поглаживать его, и она чувствовала удивление Михаила, которое пронзило его тело, как электрический разряд: его мышцы напряглись, а потом медленно, неуверенно расслабились. Валерия делала вид, что ей приятно, хотя единственное желание было убить его, и это желание горело в ней таким ярким, таким чистым пламенем, что казалось, оно могло прожечь дыру в его груди. Она посмотрела ему в глаза с такой любовью, что актрисы бы позавидовали, и в этом взгляде было всё: нежность, преданность, страсть — всё, кроме правды.

— Ты можешь отстегнуть наручники, а то мне неудобно, — он смотрел на неё с недоверием, и в его глазах боролись желание и подозрение, как два зверя, кружащие друг вокруг друга. — Я подумала, всё равно это случится, лучше буду получать удовольствие.

Кажется, Михаил ей поверил: его тело обмякло, расслабилось, и в этом расслаблении было что-то жалкое, как у человека, который так долго ждал любви, что готов поверить в любое её подобие. Чуть помедлив, он отстегнул наручники, и Лера почувствовала, как металл раз-

жался, и её рука, затёкшая и онемевшая, медленно возвращалась к жизни. Лера обняла его второй рукой, и теперь оба её запястья были свободны, и эта свобода, пусть и мнимая, пусть и временная, вселила в неё такую ярость, такую решимость, что она почувствовала себя сильнее, чем когда-либо. Миша немного успокоился, его дыхание стало ровнее, и он начал раздевать её быстро и бесцеремонно, как вор, срывающий обёртку с чужой вещи. Валерия чувствовала неприязнь, глубокую, тошнотворную, и готова была взорваться от ненависти, но держала себя в руках с такой силой, что *fingernails* впивались в ладони, оставляя глубокие красные следы.

Она осторожно пыталась нащупать пистолет, и её пальцы, дрожащие, но послушные, медленно продвигались к нему, как слепые, ищущие свет. Схватив его, она выстрелила в Михаила, и в этот момент всё замерло: время, воздух, даже её собственное сердце, которое на долю секунды перестало биться. Он обмяк и придавил её всем весом, тяжёлым и безжизненным, и в его неподвижности было столько финальности, что Лера на мгновение не могла поверить, что всё кончилось. Она спихнула его с себя и вскочила, и её руки дрожали так сильно, что она едва могла застегнуть пуговицы. Она быстро оделась и выскочила из квартиры. Оставив дверь открытой, взглянув на номер квартиры, побежала вниз по лестнице, и её шаги гулко отдавались в пустом, холодном подъезде, как удары сердца умирающего. Узнав адрес дома, Лера добралась до ближайшего телефона и вызвала скорую помощь, и её голос при этом звучал таким ровным, таким отстранённым, будто она заказывала такси, а не вызывала помощь для умирающего.

Она шла по улице, не имея понятия куда. Ноги несли её сами, и город вокруг казался нереальным, двухмерным, будто она шла по декорациям, за которыми нет ничего. Фонари горели, машины проезжали, люди шли мимо, и весь этот нормальный, живой мир казался ей таким далёким, таким чужим, что она чувствовала себя призраком, затесавшимся среди живых. Спустя время села на лавочку, ту же самую, что и когда-то, и от этого совпадения стало ещё горше. Голова шла кругом, картинки произошедшего всплывали в сознании, яркие, резкие, как вспышки фотоаппарата: лицо Михаила, выстрел, тело Антона, наручники, запах плесени, звук ржавого замка. Не зная, что делать, Лера просидела несколько часов, и за это время город вокруг неё погрузился в вечер, а потом в ночь, и фонари зажглись, и звёзды проступили на небе, и всё это она видела, но не чувствовала, будто смотрела на мир сквозь толстое, непроницаемое стекло. Силы её покидали, уходили капля за каплей, как вода из дырявого сосуда, и она задремала, и сон её был не отдыхом, а провалом, тёмным и тяжёлым, как обморок.

Глава 5

Когда она открыла глаза, солнце было в зените — жёсткое, безжалостное, оно било сверху, как прожектор, выхватывая каждую морщинку, каждую тень, каждую пылинку, и от этого света хотелось зажмуриться, спрятаться, провалиться сквозь землю. Вокруг было много народа: люди спешили по своим делам, переговаривались, смеялись, смотрели в телефоны, и никто — ни один человек — не обращал на неё внимания. И именно это равнодушие казалось самым страшным, потому что весь мир вокруг жил своей обычной, нормальной жизнью, а она сидела на лавочке с пустым, выжженным взглядом, словно после взрыва, и никто не замечал, что рядом человек, у которого только что рухнул весь мир.

Валерии хотелось убежать, спрятаться от всего мира, забиться в какую-нибудь нору, где нет ни света, ни звуков, ни людей, — только тишина и одиночество, глухие и абсолютные, как на дне океана. Она стала озираться по сторонам, и каждый взгляд, брошенный вскользь прохожим, казался ей подозрительным, каждый силуэт — знакомым, каждый шаг за спиной — угрозой. Ей казалось, что её ищут: вот сейчас кто-нибудь подойдёт, положит руку на плечо и скажет спокойным, казённым голосом: «Валерия, пройдите с нами». И посадят за убийство. Лера после всего пережитого не хотела провести в тюрьме лет десять, и сама мысль об этом была такой абсурдной, такой несправедливой, что от неё начинало гореть лицо: она защища-

лась, она боролась за свою жизнь, а теперь должна за это отвечать? Но логика и закон — две разные вещи, и Лера это понимала слишком хорошо.

— Так, хватит раскисать, надо взять себя в руки, — сказала она себе, и её голос, хриплый и сухой, прозвучал в шумном городе так тихо, что она сама едва расслышала его. Но именно этот голос, пусть даже едва слышный, стал той точкой опоры, за которую она зацепилась, как утопающий цепляется за обломок мачты.

Лера отправилась домой к Антону. Ноги вели её знакомым маршрутом, и каждый шаг давался чуть легче предыдущего, будто движение само по себе возвращало ей подобие контроля над ситуацией. Решила взять деньги и немного вещей. «Было бы неплохо что-нибудь перекусить», — подумала она, и от этой мысли внутри что-то болезненно дрогнуло: она пыталась думать о еде, о деньгах, о планах, как будто всё ещё нормально, как будто она не убила человека несколько часов назад. Но это была единственная защита, которую её разум мог противопоставить реальности, — уход в бытовые, простые, понятные мысли, за которыми можно спрятаться от той бездны, что зияла внутри.

Лера зашла в подъезд, и знакомый запах старой краски и бетонной пыли снова ударил в нос, возвращая её в то утро, когда она вышла на лестничную клетку и получила удар по голове. Тело непроизвольно напряглось, и она замедлила шаг, прислушиваясь к каждому звуку. Подошла к квартире. На её удивление, дверь была открыта, и от этого зияющего проёма повеяло такой тревогой, что по спине пробежал холодок. Из квартиры доносились голоса: мужские, деловые, отрывистые — те самые голоса, которые не говорят ничего хорошего. Она осторожно приоткрыла дверь, заглянула внутрь одним глазом, и сердце ухнуло вниз: там орудовала полиция. Люди в форме ходили по квартире, что-то искали, фотографировали, переговаривались, и вся эта размеренная, профессиональная суета казалась Лере издевательством, потому что за этой суетой стояла чья-то разрушенная жизнь. «Как быстро стала работать наша доблестная полиция», — подумала Лера, и в этой мысли было больше горечи, чем иронии: когда её мужа чуть не убили — никто не торопился, а теперь, когда она сама стала виновницей, — пожалуйста, мгновенная реакция.

Внизу хлопнула входная дверь. Звук был резким, как выстрел, и Лера, не успев даже подумать, бросилась вверх по лестнице. Её шаги гулко отдавались в бетонном колодце подъезда, и каждый удар сердца казался ей таким громким, что, по её ощущениям, его должно было слышать на всех этажах одновременно. Поднявшись на последний этаж, она остановилась, и воздух со свистом вырывался из лёгких, а ноги стали ватными. Бежать больше было некуда, только на чердак. Не раздумывая, Лера поднялась туда, и тьма чердака приняла её, как раскрытая пасть.

Чердак был огромным, затхлым, пропитанным запахом пыли, старого дерева и птичьего помёта. Солнечный свет пробивался сквозь щели в крыше узкими полосками, и в этих полосках кружилась пыль, медленная и безразличная, словно здесь, наверху, время текло по своим собственным законам, не имеющим ничего общего с тем, что происходило внизу. Там было много досок и другого мусора: обрезки шифера, ржавые трубы, какие-то ящики, куски рубероида, — целое кладбище забытых вещей, которые никто не убирал годами. Она стала закладывать вход досками, шифером и всем тяжёлым, что попадалось ей под руки, и в этом безумном, отчаянном строительстве было столько первобытного страха, что она работала как машина: хватала, тащила, ставила, придавливала, не замечая ни заноз, ни сбитых в кровь пальцев, ни того, что дыхание её уже давно превратилось в хриплый, рвущийся сип.

Закончив строительство препятствия, Валерия перевела дыхание и прислонилась спиной к стене. Пот заливал лицо, сердце колотилось так, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Она собралась уже было бежать дальше в поисках другого выхода, когда увидела стоящего неподалёку мужчину. Он стоял так тихо, так неподвижно, что Лера сначала приняла его за

столб, за тень, за обломок чего-то. Но потом он шевельнулся, и от этого едва заметного движения у неё похолодело внутри.

Он был одет во всё чёрное, и эта чернота поглощала свет, делая его похожим на дыру в пространстве, на провал, на отсутствие, которое обрело форму. Лица не было видно — маска скрывала его полностью, и от этой безликости веяло таким безразличием, что Лера почувствовала, как внутри всё обрывается. В руках он держал снайперскую винтовку, и она лежала в его ладонях так естественно, так привычно, как ложка в руке голодного. Лера затаила дыхание, и воздух застыл в лёгких, горячий и колющий.

«Не желающая быть арестованной убегала от правоохранительных органов и попала в руки хладнокровного убийцы», — эта мысль пронеслась в голове с издевательской, почти фарсовой точностью, и от неё захотелось смеяться и плакать одновременно. Она мысленно попрощалась с жизнью: быстро, сжато, как прощаются перед казнью, без длинных монологов и красивых фраз. Просто обняла внутренним взглядом всё, что было дорого, — Женечку, маму, Павла, — и отпустила, потому что от снайперской винтовки далеко не убежишь, и это она знала наверняка.

Но он не спешил убивать Леру. Вместо этого парень медленно двинулся к ней, и каждый его шаг был таким размеренным, таким неотвратимым, что казалось, время снова стало вязким и тягучим, как тогда, в тёмной комнате, когда Михаил нависал над ней. Не доходя шага три, он остановился, и в этой остановке было столько намерения, столько невысказанной угрозы, что Лера почувствовала, как по вискам струится холодный пот.

— Опять ты! — сказал он со злостью, и этот голос, приглушённый маской, звучал глухо и далеко, но в нём отчётливо слышалось раздражение, которое было страшнее любой ярости, потому что раздражение говорит о привычке, а привычка — о том, что это не первая встреча и, возможно, не последняя. — Что ты тут делаешь?

И в этот момент Лера поняла: она узнала этот голос. Тот самый парень в чёрном, что подходил к ней в парке с предупреждением. Тот самый, что дал ей «второй шанс». Значит, он следил за ней всё это время, и она, сама того не зная, ходила по тонкому льду, а он стоял на берегу и ждал, когда лёд треснет. У Леры подкосились ноги, но она устояла, потому что падать было нельзя, и это она тоже знала наверняка.

Глава 6

Сергей недавно пришёл с армии. Служба забрала два года и вернула его в мир, который за это время почти не изменился: та же улица, тот же дом, те же стены, только стал он чуть старше, чуть тише, чуть осторожнее в движениях, как человек, привыкший к дисциплине, которая въелась в тело так глубоко, что стала частью его натуры. Встретил красивую девушку, влюбился с первого взгляда, и это чувство обрушилось на него, как лавина, сметающая всё на своём пути: сомнения, осторожность, здравый смысл. Она отвечала ему взаимностью, и в её улыбке, в её взгляде, в каждом прикосновении было столько тепла, что Сергею казалось, будто он наконец-то нашёл то, ради чего стоит жить.

Бурный роман развивался стремительно, как горная река весной, — несокрушимо, мощно, не разбирая дороги. Спустя пару месяцев они стали жить вместе, и маленький домик в Подмосковье, утопающий в сирени, казался им дворцом, потому что рядом было то, что важнее любых стен: такое чувство, горячее, живое, как огонь в печи. Сергей не мог найти достойную, постоянную работу. Перебивался разными подработками: то разгрузит фуру, то починит кому-то крышу, то поможет на стройке, — и каждое утро уходил рано, а возвращался поздно, усталый, но довольный, потому что дома его ждала Саша. Денег вроде хватало. Он ни в чём не отказывал Александре, у неё было всё, что она хотела, в пределах разумного: новое платье, духи, безделушки, которые она выбирала с детским, почти трогательным упоением. Но её

желания росли с каждым днём, как сорняк в заброшенном саду: сначала робко, потом жадно, потом ненасытно, поглощая всё вокруг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.